

nem auftritt, ε [$\bar{\varepsilon}$] ist nur das Allophon des e -Phonems, hauptsächlich vor m , η und p . Somit ist hier die Lage die gleiche wie in dem Sosva-Dialekt. Das reduzierte $\bar{\varepsilon}$ hat mehrere durch die Nachbarschaft bedingte kombinatorische Varianten ($\bar{\varepsilon}$, $\bar{\varepsilon}$, $\bar{\varepsilon}$, $\bar{\varepsilon}$).

K. Rédei hat mit seinem Werk einen wertvollen Beitrag zu den finnisch-ugrischen Textsammlungen geliefert.

KARL KONT (Tallinn)

<https://doi.org/10.3176/lu.1968.4.15>

И. С. Галкин, Историческая морфология марийского языка. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Таллин 1968.

10 января 1968 года на Ученом совете Отделения общественных наук Академии наук Эстонской ССР состоялась защита диссертации «Историческая морфология марийского языка» И. С. Галкиным на соискание ученой степени доктора филологических наук. Диссертация выполнена в Марийском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории при Совете Министров Марийской АССР.

Официальными оппонентами на защите выступили академик АН ЭССР, доктор филологических наук профессор П. Аристе (Тарту), член-корреспондент АН ЭССР, доктор филологических наук профессор А. Каск (Тарту), доктор филологических наук профессор К. Е. Майтинская (Москва) и профессор Н. Т. Пенгитов (Йошкар-Ола).

Все официальные и неофициальные оппоненты высоко оценили исследование И. С. Галкина. Ученый совет единодушно вынес решение о присуждении ему ученой степени доктора филологических наук.

И. С. Галкин хорошо известен финно-угроведам благодаря многочисленным публикациям, посвященным различным вопросам современного марийского языка, диалектологии, лексике и истории марийского языка. Среди его трудов центральное место занимает «Историческая грамматика марийского языка. Морфология» (I, 1964; II, 1966), утвержденная Министерством просвещения РСФСР как учебное пособие для педагогического института. Эта работа в основном и стала ядром его докторской диссертации, которая по своему объему превосходит книгу и составляет около 700 страниц машинописного текста.

Оппоненты отметили нежелательность слишком обширных тем для диссертаций, так как чем шире тема, тем меньше внимания можно уделить деталям. Однако в данном случае многопроблемный характер исследования И. С. Галкина, по общему признанию, вполне оправдан. Известно, что до недавнего времени историческая морфология марийского языка не была предметом специального исследования. Правда, отдельные вопросы этой темы освещались в некоторых статьях и работах общепинно-угроведческого характера, их авторами были: Э. Сетяля, Й. Буденц, Й. Синнеи, Ю. Вихман, Э. Беке, Т. Лехтисало, Ф. Фукс, И. Дьёрке, Б. Коллиндер, П. Равила, Э. Итконен, Д. В. Бубрих, Б. А. Серебренников, К. Е. Майтинская и другие. Причем вопросы истории марийского языка затронуты в различных публикациях, появившихся в большинстве случаев на иностранных языках (венгерском, финском, немецком, английском и других), что во многом затрудняет работу студентов и преподавателей по изучению истории родного языка. И. С. Галкин же в своем исследовании впервые обобщил все то, что было сделано в этой области предшественниками и критически пересмотрел некоторые положения в свете новейших достижений сравнительного финно-угроведения и марийской диалектологии.

Диссертация состоит из введения, двух разделов (словоизменение и словообразовании), заключения и библиографии.

Во введении даны обстоятельный анализ и оценка тех работ, которые касаются темы диссертации, изложены наиболее спорные и неразрешенные вопросы, охарактеризованы источники исторической

грамматики марийского языка и описана методика исследования. Как известно, марийский язык является младописьменным, письменные источники на нем появились лишь с XVIII века. Однако И. С. Галкин строит свою работу на прочном фундаменте, привлекая богатый фактический материал и представляя его на широком фоне данных родственных языков. Особую ценность имеет диалектологический материал, который вводится в научный оборот впервые. Подан он, что надо особо отметить, в добросовестно обработанном виде и с соответствующей интерпретацией. Серьезное внимание уделяется заимствованиям из тюркских и русского языков. Таким образом, при отсутствии древних письменных памятников автор использовал все имеющиеся основные источники (современный марийский язык с его диалектами, родственные языки и заимствования).

И. С. Галкин умело пользуется приемами сравнительно-исторического метода, учитывая одновременно и недостатки своих предшественников. Особенно удачно он применяет так наз. внутреннюю реконструкцию, когда древнейший вариант словоизменительного или словообразовательного аффикса восстанавливается с учетом отражения их в современном языке или диалектах.

В разделе о словоизменении диссертант анализирует словоизменительные аффиксы. При этом особое внимание он обращает на имя существительное и глагол, так как основные категории этих частей речи в истории марийского языка подверглись значительным изменениям. Система падежей, развитие показателей множественности, категория притяжательности, изменение в спряжениях получили в диссертации И. С. Галкина наиболее полное отражение. Однако некоторые положения автора встретили возражения оппонентов. Например, диссертант вслед за Б. А. Серебренниковым для уральского языка-основы признает наличие двух аккумулятивов: с *m*-овым окончанием и без окончания (совпадающий с номинативом). Академик П. Аристэ отметил, что с точки зрения структуры финно-угорских языков нет основания говорить об аккумулятиве с нулевым окончанием; что в них в отличие от индоевропейских

именительный падеж издавна имел более широкие функции в предложении, наряду с генитивом; элативом, партитивом, инессивом он может употребляться в роли дополнения. П. Аристэ выразил сомнение также в былом существовании в финно-угорских языках *l*-ового, *e*-ового и *i*-ового падежей.

В своей работе И. С. Галкин убедительно доказал, что в древнемарийском языке падежей было гораздо больше, чем в настоящее время. Многие из исчезнувших падежей свои следы сохранили в наречных и послеложных суффиксах. Однако оппоненты высказали мысль, что при рассмотрении происхождения наречных форм следует быть более осторожным, ибо нельзя считать, что все наречные суффиксы по своему происхождению связаны с падежными формами.

В марийском языке множественное число выражается следующими показателями: *-влак* (*-влӓ, -лак*), *-ла, -мыт, -шамыч* (*-шамыц, -шач, -шац*). И. С. Галкин показал диалектальное функционирование вариантов этих показателей и правильно объяснил происхождение их. Так, *-влак* (*-влӓ, -лак*): *йоча-влак* 'дети' связывается с древнетюркским *böläk* 'группа, отряд, орда'¹, *-ла* (*куэрла* 'березняк' от *куэ* 'береза') признается финно-угорским *l*-овым собирательным суффиксом, показатель групповой множественности *-мыт* (*изамыт* 'мой старший брат и те, кто с ним') считается сложным, состоящим из двух элементов: *m*-ового притяжательного суффикса 1-го лица единственного числа и финно-угорского показателя множественности **-l*. Показатель *-шамыч* (*пöрт шамыч* 'дома') возводится к чувашскому *-сам* (*-сем*) и финно-угорскому **-t*: **sam-e-t*. П. Аристэ обратил внимание на то, что элемент *-сам* (*-sem*) в тюркских языках раньше был распространен гораздо шире. Его бытование не ограничивалось чувашским языком, этот

¹ Правда, К. Е. Майтинская в своей рецензии обратила внимание диссертанта на то, что некоторые исследователи (Т. Э. Утила, Д. Лако) мар. *-влак, -вла* этимологически сопоставляют с морд. *vele* 'деревня, община, пчелиный рой' (см. FUF XXIX 1946, стр. 27—30; NyK LII 1950, стр. 14—15).

элемент, по свидетельству А. Кюннапа, из тюркских языков был заимствован даже в камасинский.

Очень обстоятельно и на богатом фактическом материале написана глава о глаголе. Следует вообще отметить, что эта часть речи привлекала внимание диссертанта давно. В 1958 году он защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Суффиксальное образование глаголов в современном марийском языке», им написана также небольшая монография о залогах («Залог в марийском языке», Йошкар-Ола 1958, 52 стр.).

В первом разделе представлено также изложение истории местоимения, имени прилагательного, числительного, наречий, послелогов, союзов, частиц. В каждом случае автор рассматривает существующие в науке взгляды и высказывает свое отношение к ним, при этом иногда он дает совершенно неожиданное и довольно обоснованное объяснение. В этом отношении не повезло лишь именам прилагательным. Как отметил проф. П. Аристе, о прилагательных можно было сказать больше. Некоторые положения автора оппонентами подвергнуты критике. В частности, в порядковых числительных аффикс *-ымше* диссертант возводит к двум самостоятельным морфемам: к древнему суффиксу отыменных прилагательных *-м* и суффиксу относительных прилагательных *-се*. Н. Т. Пенгитов вполне справедливо высказал сомнение в правильности такого утверждения и признал этот суффикс заимствованным из тюркских языков (ср. чув. *мэш(ё)*, татар. *-енче*)², для подтверждения своей мысли он выдвинул ряд аргументов: «1) Если в древнемарийском языке порядковые числительные образовались при помощи суффикса *-т*, о чем пишет диссертант и, что не вызывает сомнений, то не было никакой необходимости в дублетном *м*-овом суффиксе для тех же целей; 2) суффикс *-м* диссертантом обнаружен лишь в одном диалектном слове *лачым* 'аккуратный' (стр. 427); 3) порядковые числительные в живой разговорной речи почти не употребляются, даже в наше

время; надо полагать, раньше они употреблялись еще реже; 4) звуковое изменение в *-ымше* в марийском вполне доказуемо».

Во втором разделе диссертации И. С. Галкин рассматривает словообразовательные суффиксы существительных, прилагательных, глаголов, наречий. Все они определены с точки зрения того, к основе каких частей речи присоединяются. Автор показывает также степень продуктивности того или иного суффикса, раскрывает его значение, отмечает диалектную распространенность соответствующих вариантов. Ценно то, что дана этимология каждого суффикса. Работа по этимологизации очень сложна, ибо она требует знания большого количества фактов в родственных языках. Однако диссертант преодолел эту трудность, объяснение происхождения большинства суффиксов не противоречит данным традиционного финно-угорского языкознания. Оппоненты (П. Аристе, К. Е. Майтинская) отметили лишь некоторые неточности в объяснениях отдельных суффиксов. Классификация словообразовательных элементов имеет весьма стройный характер, автором выделены две большие группы суффиксов: собственно марийские, среди которых особо рассматриваются первичные (простые) и вторичные (сложные), и суффиксы заимствованные. Среди заимствованных суффиксов наибольшее распространение получили элементы болгаро-чувашского происхождения. Так, из 24 заимствованных суффиксов 21 оказывается тюркским, к ним относятся следующие: суффиксы существительных (*-че*, *-зе*, *-чык*, *-ык*, *-лык*, *-е*, *-зей*, *-зак*), суффиксы прилагательных (*-ле*, *-сыр*, *-ий*, *-е*), суффиксы наречий (*-ок* или *-ак*), суффиксы глаголов (*-н*, *-ас*, *-л*, *-лан*, *-тат*, *-ар*, *-тар*, *-кал*). Суффиксы русского происхождения не выходят за пределы русских лексических заимствований и не воспринимаются как элементы словообразования. Лишь в единичных диалектных случаях могут быть отклонения от сказанного.

Диссертант отмечает ряд особенностей, характерных для словообразования в марийском языке. В частности, в марийском языке наблюдается обилие словообразовательных суффиксов (имен и глаголов),

² См. также М. Р. Федотов, Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, Чебоксары 1965, стр. 40.

но продуктивность их крайне ограничена. Следует к этому добавить, что марийский язык в отличие, допустим, от русского имеет относительно гораздо более узкое словарное гнездо.

Во втором разделе автор анализирует также фонетическое изменение суффиксов, обращает особое внимание при этом на вокализм.

Изучив огромный фактический материал, И. С. Галкин пришел к правильному выводу о неодинаковой степени проницаемости разных структурных элементов при взаимовлиянии языков. Так, в заключительной части он пишет: «Замимствованию... подвергаются главным образом лексические и связанные с ними словообразовательные категории, слово-

изменятельные категории в другой язык почти не проникают. Показатели множественного числа марийским языком несомненно восприняты как самостоятельные лексические единицы, суффикс сравнительной степени *-рак*, надо полагать, воспринят как словообразовательный суффикс, союзы и частицы и сейчас воспринимаются как отдельные слова». Этот вывод представляется весьма ценным в общезыковедческом плане.

Своими работами И. С. Галкин внес значительный вклад не только в марийское, но и в финно-угорское языковедение. Хочется надеяться, что он обогатит нашу науку еще не одним исследованием.

Л. П. ГРУЗОВ (Йошкар-Ола)